

DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.2(39).61-69

УДК 346.26:616-036.21(470+571)

JEL G01, L26, L53, M2

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА МАЛОЕ И СРЕДНЕЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ В 2020 ГОДУ

И.В. Корчагина, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Аннотация. Малое и среднее предпринимательство является одной из наиболее уязвимых сфер национальной экономики, на нем сильно отражаются внешние шоки, такие как пандемии и ограничительные противоэпидемические меры. В то же время особенности влияния пандемии COVID-19 на малое и среднее предпринимательство России изучены в ограниченной степени. Цель данного исследования состоит в выявлении тенденций динамики субъектов малого и среднего предпринимательства в России в 2020 г. под влиянием COVID-19 и направленных на ограничение ее распространения противоэпидемических мер. Используются стандартные методы экономико-статистического анализа временных рядов: показатели абсолютного и относительного прироста, критерий Ирвина, оценка автокорреляции, критерий Дарбина-Уотсона, построение уравнений тренда. В результате показано, что количество малых и средних предприятий имело статистически значимую тенденцию к понижению (около 36 тыс. единиц в месяц). Максимальное падение числа субъектов предпринимательской деятельности наблюдалось в июле-августе 2020 г. (до 8%). Однако снижение количества малых и средних предприятий в России оказалось существенно ниже, чем, в частности, в США, что вызвано институциональными факторами. Одновременно произошел рост занятости в малом и среднем предпринимательстве (около 26 тыс. чел. ежемесячно) в основном вследствие ее легализации с целью получения государственной поддержки. Это свидетельствует о высокой продуктивности государственной поддержки занятости в данной сфере. Разные категории малых предприятий демонстрировали разную реакцию на пандемию и ограничительные меры. Для микропредприятий было характерно стабильное количество в январе-июне, резкий (до 8%) спад в июле-августе и постепенное восстановление в III и IV кварталах 2020 г. Микропредприятия пострадали от кризиса в несколько большей степени. Но малые предприятия (без микропредприятий) демонстрировали монотонное и более стабильное снижение своего количества, без выраженного скачка в июле-августе 2020 г. Сокращение численности малых предприятий (без микропредприятий) вызвано не только коронавирусным кризисом, но и фундаментальными экономическими причинами.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, микропредприятия, пандемия COVID-19, поддержка предпринимательства.

Для цитирования: Корчагина И.В. Оценка влияния пандемии COVID-19 на малое и среднее предпринимательство в России в 2020 году // BENEFICIUM. 2021. № 2(39). С. 61-69. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.2(39).61-69

ORIGINAL PAPER

ASSESSMENT OF THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON SMALL AND MEDIUM ENTREPRENEURS IN RUSSIA IN 2020

I.V. Korchagina, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Abstract. Small and medium-sized businesses are one of the most vulnerable areas of the national economy; they are strongly affected by external shocks such as pandemics and restrictive anti-epidemic measures. At the same time, the features of the impact of the COVID-19 pandemic on small and medium-sized businesses in Russia have been studied to a limited extent. The purpose of this study is to identify trends in the dynamics of small and medium-sized businesses in Russia in 2020 under the influence of COVID-19 and aimed at limiting its spread of anti-epidemic measures. The standard methods of economic and statistical analysis of time series were used: indicators of absolute and relative growth, Irwin's criterion, autocorrelation assessment, Darbin-Watson criterion, construction of trend equations. As a result, it is shown that the number of small and medium-sized enterprises had a statistically significant downward trend (about 36 thousand units per month). The maximum drop in the number of business entities was observed in July-August 2020 (up to 8%). However, the decline in the number of small and medium-sized enterprises in Russia turned out to be significantly lower than, in particular, in the United States, which was caused by institutional factors. At the same time, there was an increase in employment in small and medium-sized businesses (about 26

thousand people per month), mainly due to its legalization in order to obtain state support. This testifies to the high productivity of state support for employment in this area. Different categories of small businesses have shown different responses to the pandemic and restrictive measures. Microenterprises were characterized by a stable number in January-June, a sharp (up to 8%) decline in July-August, and a gradual recovery in the third and fourth quarters of 2020. Microenterprises suffered from the crisis to a somewhat greater extent. But small enterprises (excluding microenterprises) showed a monotonous and more stable decrease in their number, without a pronounced jump in July-August 2020. The decline in the number of small enterprises (excluding microenterprises) was caused not only by the coronavirus crisis, but also by fundamental economic reasons.

Keywords: small and medium-sized businesses, micro-enterprises, COVID-19 pandemic, entrepreneurship support.

For citation: Korchagina I.V. Assessment of the Impact of the COVID-19 Pandemic on Small and Medium Entrepreneurs in Russian in 2020 // BENEFICIUM. 2021. Vol. 2(39). Pp. 61-69. (In Russ.). DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2021.2(39).61-69

Достижение высокого уровня развития малого и среднего предпринимательства довольно настойчиво декларируется как стратегическая национальная цель практически весь постсоветский период развития экономики. Для этого есть серьезные основания, поскольку малый и средний бизнес играет значительную роль в экономическом развитии, удовлетворении потребностей людей, а также создании рабочих мест, возможностей самозанятости. Хотя, по современным представлениям, зависимость удельного веса малого и среднего бизнеса в макроэкономических показателях от уровня развития носит U-образный характер, т.е. достигает максимума в самых богатых и самых бедных странах [1, 2], в России существует определенный потенциал активизации предпринимательской деятельности. В очередной раз важность малого и среднего предпринимательства для страны была продемонстрирована включением в число национальных проектов на 2019-2024 гг., утвержденных Указом Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». В частности, численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства планировалось довести до 25 млн. человек [3]. Эта же цель была сохранена в Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», однако ее достижение сдвинулось на более поздний срок – к 2030 г. [4].

Однако динамика развития малого и среднего предпринимательства в России уже в период 2010-2019 гг. оставляла желать много лучшего, уровень предпринимательской активности был довольно низким. Российские исследователи отмечают как недостаточные показатели масштаба малого и среднего бизнеса, так и деформированный характер самого предпринимательства – диспропорции в распределении по видам экономической деятельности, низкую производительность труда, «миниатюризацию» субъектов предпринимательской деятельности [5-8]. Все это указывает на слабость

отечественного предпринимательского сектора, его уязвимость по отношению к макроэкономическим проблемам и экзогенным шокам. Поэтому представляет существенный научный и практический интерес оценка воздействия на малое и среднее предпринимательство России такого шока как появление в 2020 г. новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и введение ограничительных мер с целью замедлить ее распространение.

Анализ отечественной научной литературы показывает, что воздействие пандемии COVID-19 и административных ограничений в деятельности бизнеса на состояние малого и среднего предпринимательства пока исследовано недостаточно. Безусловно, большинство авторов отмечают тот тривиальный факт, что малые и средние предприятия достаточно сильно пострадали от пандемии, ограничительных мер, причем негативное влияние здесь было наиболее значительным по сравнению с крупным корпоративным бизнесом [6, 9]. С.В. Ли [10] полагает, что в большей степени влияние кризисных явлений среди всего малого и среднего бизнеса испытали на себе микропредприятия, хотя степень эмпирического подтверждения в его работе видится недостаточной. С.Н. Ревина, И.В. Смотровая [11] говорят о зависимости ущерба также от вида экономической деятельности малых и средних предприятий. Ряд исследователей анализируют меры государственной поддержки малого и среднего бизнеса в условиях пандемии и отмечают их недостаточность [12-14]. Н.А. Иванцев [15] рассматривает возможные направления переориентации деятельности малых предприятий и самозанятых в условиях административных ограничений.

Если же говорить об оценках последствий пандемии COVID-19 в странах со зрелой рыночной экономикой, то можно выделить исследование Р. Фэрли (R. Fairlie) [16]. В нем приводятся данные, что после двух месяцев активного социального дистанцирования в США (с февраля по апрель 2020 г.), произошло беспрецедентное для экономической истории этой страны падение численности владельцев индивидуального бизнеса на 22%, с 15.0 до 11.7 млн. человек (для сравнения, в период Великой депрессии сокращение составило

5%). Наибольшие потери понесли малые предприятия индустрии гостеприимства (гостиницы и рестораны), образовательных услуг, профессиональных и деловых услуг. По другим оценкам, в США в июне предполагали свое закрытие около 50% малых и средних предприятий, в том случае, если локдаун был бы продлен еще на три месяца [17]. В исследовании по итогам опроса 5800 предпринимателей США демонстрируется, что более 40% малых предприятий было закрыто постоянно или временно, количество сотрудников, работающих полный рабочий день, сократилось за февраль-март на 32% [18].

В то же время аналогичные обобщающие оценки по деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства России в 2020 г. пока практически не представлены в научной литературе. Наблюдается недостаток исследований, где на основе традиционного статистического инструментария анализа временных рядов демонстрировались бы тренды и закономерности динамики деятельности малых и средних субъектов предпринимательской деятельности России в 2020 г., тем более что этот период был весьма неоднороден по экономической обстановке и степени административных ограничений. Поэтому цель исследования – выявление тенденций динамики деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства в России в 2020 г. под влиянием

COVID-19 и направленных на ограничение ее распространения противоэпидемических мер.

В работе используются стандартные методы экономико-статистического анализа временных рядов, позволяющие судить о наличии выраженной тенденции, сезонности, аномальных значений, автокорреляции (показатели абсолютного и относительного прироста, критерий Ирвина, оценка автокорреляции, критерий Дарбина-Уотсона, построение уравнений тренда с оценкой их статистической значимости по критериям Фишера и Стьюдента, коэффициенту несоответствия Тейла, коэффициенту детерминации). Анализ подвергались временные ряды, характеризующие количество субъектов предпринимательской деятельности, а также среднесписочную численность их работников. Анализ проводился в целом по всем субъектам малого и среднего предпринимательства и отдельно по микропредприятиям, малым предприятиям. Материалом для исследования являются данные Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, который ведет Федеральная налоговая служба Российской Федерации [19]. Это обусловлено возможностью максимально быстрого получения данных по месяцам.

В табл. 1 представлены сведения о количестве субъектов малого и среднего предпринимательства России и среднесписочная численность их работников по месяцам 2020 г.

Таблица 1 / Table 1

Количество субъектов малого и среднего предпринимательства, среднесписочная численность их работников в России в 2020 г. / The Number of Small and Medium-Sized Businesses, the Average Number of Their Employees in Russia in 2020

Дата / Date	Количество субъектов предпринимательской деятельности / Number of Business Entities		Среднесписочная численность работников / Average Number of Employees		Средняя численность работников, чел./ед. / Average Number of Employees, people/unit
	тыс. ед. / thousand units	темп прироста, % / growth rate, %	тыс. чел. / thousand people	темп прироста, % / growth rate, %	
10.01.2020	5916.9	-	15321.8	-	2.59
10.02.2020	5924.8	0.13	15297.6	-0.28	2.58
10.03.2020	5960.4	0.60	15276.6	-0.13	2.56
10.04.2020	5979.9	0.33	15248.5	-0.18	2.55
10.05.2020	6035.0	0.92	15304.4	0.36	2.54
10.06.2020	6033.5	-0.25	15295.9	-0.06	2.54
10.07.2020	6051.9	0.30	15269.8	0.17	2.52
10.08.2020	5590.1	-7.62	15520.0	1.63	2.78
10.09.2020	5602.7	0.23	15515.1	-0.04	2.77
10.10.2020	5619.5	0.29	15492.8	-0.14	2.76
10.11.2020	5670.9	0.91	15516.2	-0.15	2.74
10.12.2020	5702.2	0.55	15509.8	-0.04	2.72
Общий прирост / снижение	-214.7	-3.63	188.0	1.23	0.13

Источник: составлено автором по [19] / Source: compiled by the author based on [19]

Данные табл. 1 показывают, что ожидаемое падение предпринимательской активности в 2020 г. оказалось глубоким, но не катастрофичным. Общее сокращение количества субъектов предпринимательской деятельности составило около 215 тыс. единиц или 3.6% по отношению к 10 января 2020 г. Это существенно меньше, чем в США,

наибольшее сокращение в июле-начале августа не превышало 8%. Параллельно с этим занятость (по крайней мере, официальная) в малом и среднем предпринимательстве даже возросла – на 188 тыс. чел. или 1.23%, что привело к росту средней численности занятых на одном малом и среднем предприятии до 2.72 чел. Произошла частичная

легализация занятости в малом и среднем бизнесе с целью получения государственной поддержки и льгот. В III квартале количество субъектов малого и среднего предпринимательства стало постепенно восстанавливаться. Отметим, что многие эксперты и деловые СМИ ожидали закрытия по итогам года до 1 млн. малых и средних предприятий. Кроме того, падение численности малых и средних предприятий сдерживало изменение методологии ведения Реестра (переход к ежемесячному обновлению в условиях пандемии).

Низкое по сравнению с США сокращение предпринимательской активности объяснимо как меньшей жесткостью и продолжительностью противоэпидемических мероприятий в нашей стране, так и рядом институциональных факторов. Для бизнесменов США характерно гораздо более спокойное отношение к закрытию неуспешного бизнеса и банкротству, неудачи считаются практически нормой в бизнесе, неуспешные проекты быстро закрывают, тогда как многие отечественные предприниматели склонны пытаться сохранить свое предприятие до последнего, считая, что раз оно создано, то должно работать чуть ли не вечно. Кроме того, в России был введен мораторий на недобровольное (по инициативе кредиторов) инициирование дел о несостоятельности. Это существенно затормозило процесс ликвидации предприятий еще и потому, что в последние годы даже при добровольном банкротстве для выбора нужной саморегулируемой организации и собственно арбитражного управляющего обычно использовалось заявление дружественного кредитора. Иными словами, временной лог между осознанием проблем, принятием решения о закрытии малого предприятия и его практической реализацией в России существенно длительнее, тем более с учетом того, что в апреле-мае 2020 г. осуществлять какие-либо действия по ликвидации и банкротству было весьма сложно вследствие режима нерабочих дней и самоизоляции.

Рассмотрим характеристики рядов динамики, представленных в *табл. 1*. Первоначально для выявления аномальных значений был рассчитан критерий Ирвина, который в восьмом периоде наблюдений составил 2.48 (критическое значение для $n = 12$ равняется 1.30). Таким образом, с 10 июля по 10 августа 2020 г. произошло аномальное сокращение количества малых и средних предприятий за счет массовых закрытий. Часть предпринимателей в этот период реализовали ранее принятые решения о ликвидации бизнеса. Кроме того, многие малые и средние предприятия уже после снятия большей части ограничений летом все равно осознали бесперспективность своей деятельности в резко ухудшившейся обстановке. В то же время с сентября по декабрь 2020 г. численность субъектов малого и среднего предпринимательства стала даже немного увеличиваться, прирост составил около 100 тыс. единиц, что несколько скомпенси-

ровало летнее падение.

Расчет линейного коэффициента автокорреляции показал, что в ряду динамики есть тенденция к понижению. Данный коэффициент равен 0.704 (в принципе он интерпретируется по шкале Чеддока и такое значение указывает на сильную связь между признаками), при этом наблюдаемый t -критерий Стьюдента составляет 3.89 при критическом 2.69. Согласно критерию Дарбина-Уотсона наличие автокорреляции также подтверждается, поскольку наблюдаемое значение составляет 1.11, граничные критические значения для $n = 12$ составляют от 1.08 до 1.36. Следовательно, целесообразно рассмотреть возможность построения уравнения тренда, описывающего зависимость числа субъектов малого и среднего предпринимательства от времени. При расчете уравнения линейной регрессии было получено следующее выражение (1):

$$Y = -35,79t + 6073,27 \quad (1)$$

где Y – количество субъектов малого и среднего предпринимательства, тыс. ед.;
 t – период времени.

Уравнение статистически значимо, что подтверждается ошибкой аппроксимации около 1.86%, близостью коэффициента несоответствия Тейла к нулю. Коэффициент детерминации составляет 47.88%, т.е. почти половина изменений численности субъектов малого и среднего предпринимательства в 2020 г. была обусловлена изменением фактора времени. F -критерий Фишера для данного уравнения составляет 9.19 (критическое значение 4.96), следовательно форма уравнения тренда статистически значима (зависимость падения количества субъектов малого и среднего предпринимательства от времени носит линейный характер). Критерий Стьюдента также подтверждает статистическую значимость коэффициентов уравнения (35.79 и 6073.27). Таким образом, в 2020 г. наблюдалось снижение количества субъектов малого и среднего предпринимательства, от начального уровня около 6 млн. единиц на 35 тыс. единиц в месяц. Это достаточно серьезное снижение предпринимательской активности.

Аналогичные расчеты для среднесписочной численности занятых в малом и среднем предпринимательстве дают иные результаты, указывающие скорее на повышательный тренд. Линейный коэффициент автокорреляции составил 0.761 (высокий уровень связи между признаками), наблюдаемое значение t -критерия Стьюдента составляет 4.68. Значение критерия Дарбина-Уотсона находится на уровне 1.32. Это доказывает наличие повышательного тренда. Соответствующее уравнение линейной регрессии имеет следующий вид (2):

$$Y = 26,23t + 15210,20, \quad (2)$$

где Y – численность занятых в малом и среднем предпринимательстве, тыс. чел.;
 t – период времени.

При этом ошибка аппроксимации составляет менее 1%, коэффициент несоответствия Тейла близок к нулю, коэффициент детерминации – более 66%. Все это указывает на существенную зависимость численности занятых в малом и среднем предпринимательстве от времени. *F*-критерий Фишера и *t*-критерий Стьюдента также подтверждают статистическую значимость формы уравнения тренда и его коэффициентов. Таким образом, в отличие от количества субъектов малого и среднего предпринимательства, численность работников в данном сегменте росла, что является нетривиальным по мировым меркам событием и свидетельствует о довольно высокой продуктивности политики поддержки занятости в данном сегменте. Каждый месяц численность работников малого и среднего предпринимательства повышалась на

26 тыс. чел. В значительной мере это объясняется легализацией теневых ранее рабочих мест, но в любом случае представляет собой позитивное явление.

Безусловно, динамика общей численности субъектов малого и среднего предпринимательства зависит от ряда факторов. Это не только соотношение между созданием новых предприятий и ликвидацией действующих, но и перемещение тех или иных субъектов предпринимательской деятельности между категориями микропредприятий, малых предприятий, средних предприятий. Поэтому рассмотрим отдельно ряды динамики, характеризующие деятельность разных категорий малых предприятий. В *табл. 2* представлено количество микропредприятий и малых предприятий без микропредприятий.

Таблица 2 / Table 2

Количество микропредприятий и малых предприятий (без микропредприятий) в России в 2020 г. / Number of Micro-Enterprises and Small Enterprises (excluding Micro-Enterprises) in Russia in 2020

Дата / Date	Количество микропредприятий / Number of Micro-Enterprises		Количество малых предприятий (без микропредприятий) / Number of Small Businesses (Excluding Micro-Enterprises)	
	тыс. ед. / thousand units	темп прироста, % / growth rate, %	тыс. ед. / thousand units	темп прироста, % / growth rate, %
10.01.2020	5675.8	-	224.1	-
10.02.2020	5684.3	0.15	223.5	-0.27
10.03.2020	5720.5	0.64	222.9	-0.27
10.04.2020	5740.8	0.35	222.1	-0.36
10.05.2020	5795.9	0.96	222.1	0.00
10.06.2020	5794.7	-0.02	221.7	-0.18
10.07.2020	5813.8	0.33	221.1	-0.27
10.08.2020	5354.0	-7.91	218.5	-1.17
10.09.2020	5367.2	0.25	218.0	-0.23
10.10.2020	5384.5	0.32	217.5	-0.23
10.11.2020	5435.9	0.95	217.3	-0.09
10.12.2020	5467.4	0.58	217.0	-0.14
Общий прирост / снижение	-208.4	-3.67	-7.1	-3.17

Источник: составлено автором по [19] / Source: compiled by the author based on [19]

Как показывают данные *табл. 2*, динамика количества микропредприятий очень близка к общей динамике малых и средних предприятий. Это вполне закономерно, поскольку микропредприятия составляют свыше 95% субъектов малого и среднего предпринимательства, и их количество определяет общие тренды. Количество микропредприятий, как и малых, средних предприятий в целом было относительно стабильным с некоторой тенденцией к росту в январе-июне 2020 г., тогда как в июле-начале августа произошло резкое падение (около 8%).

Затем количество микропредприятий стало постепенно восстанавливаться, но в целом за период было потеряно около 208 тыс. субъектов предпринимательской деятельности или около 3.67% по отношению к началу периода. Поскольку общее падение количества субъектов малого и среднего предпринимательства составило практически такую же величину (3.63%), то подтверждается

теоретическое предположение, что именно микропредприятия в наибольшей степени испытали на себе влияние коронавирусного кризиса. Дополнительно это характеризуют следующие факты:

- на 10 января 2020 г. микропредприятия составляли около 95.93% от общего числа малых и средних предприятий, на 10 декабря 2020 г. – уже 95.88%;
- из общего сокращения малых и средних предприятий (214.7 тыс. единиц) на микропредприятия пришлось 208.4 тыс. единиц или около 97.07%, что превысило их долю в общем количестве субъектов малого и среднего предпринимательства.

Динамика количества малых предприятий существенно отличалась от аналогичного показателя по микропредприятиям. Общее сокращение оказалось несколько ниже, чем у микропредприятий и всех малых и средних предприятий (около 3.17%), но оно было монотонным и наблюдалось в

11 периодах из 12. Пик снижения количества малых предприятий также пришелся на июль-начало августа, но был значительно менее выраженным (менее 1.5%). Таким образом, понижающий тренд количества малых предприятий (без микропредприятий) был более плавным, но монотонным. При этом часть малых предприятий перемещалась в категорию микропредприятий.

Объяснение данных различий заключается в том, что чем меньше по размерам субъект предпринимательской деятельности, тем проще, при прочих равных, его ликвидировать (меньше численность контрагентов, объем кредиторской задолженности, меньше вложенных ресурсов предпринимателя, специфичность активов и т.п.). Летом 2020 г. часть микропредприятий столкнулась с тем, что либо ограничения в их сфере деятельности остались жесткими, либо платежеспособный спрос упал ниже точки безубыточности и дальнейшая деятельность не имеет смысла. В этой ситуации после начала полноценной работы государственных органов быстро началась активная деятельность по ликвидации почти десятой части микропредприятий. Малое предприятие является все же более крупной и сложной социально-экономической системой, по сравнению с микропредприятием. С одной стороны, у него выше запас прочности, с другой стороны – продолжение убыточной финансово-хозяйственной деятельности связано с

большим уровнем рисков и долгов. Поэтому сокращение численности малых предприятий по сравнению с микропредприятиями оказалось более плавным и растянутым во времени, хотя итоги года в общем не слишком отличаются (3.67% и 3.17%).

Статистические характеристики временных рядов, отражающие свойства динамики показателей количества малых предприятий и микропредприятий, представлены в *табл. 3*. Ее данные показывают, что количеству как микропредприятий, так и малых предприятий (без микропредприятий) были свойственны понижающие тренды, однако их характеристики различаются. Так, для микропредприятий уравнение тренда напоминает (2), имеет сходный уровень статистической значимости и близкую экономическую интерпретацию. В среднем каждый месяц экономика России теряла около 35 тыс. микропредприятий. Однако в восьмом периоде наблюдался аномальный «выброс» (резкое падение числа микропредприятий), в это время происходила основная часть ликвидаций микропредприятий. В то же время линейный коэффициент автокорреляции в данном случае указывает, скорее, на среднюю зависимость количества микропредприятий от времени, а коэффициент детерминации – на то, что общий понижающий тренд объясняет около 50% сокращения микропредприятий.

Таблица 3 / Table 3

Характеристики временных рядов, описывающих количество микропредприятий и малых предприятий в России в 2020 г. / Characteristics of Time Series Describing the Number of Micro-Enterprises and Small Enterprises in Russia in 2020

Характеристики / Characteristics	Критическое значение / Critical Value	Микропредприятия / Micro-Enterprises	Малые предприятия (без микропредприятий) / Small Businesses (Excluding Micro-Enterprises)
Аномальные значения по критерию Ирвина	<1.3	2.49 (в 8 периоде)	не наблюдается
Линейный коэффициент автокорреляции	>0.5	0.701 (понижающий тренд)	0.963 (понижающий тренд)
Критерий Дарбина-Уотсона	от 1.08 до 1.36	1.11	1.21
Форма уравнения регрессии	-	$Y = -35.16t + 5831.41$	$Y = -0.71t + 225.11$
Ошибка аппроксимации, процентов	<5-7%	1.93	0.21
Коэффициент несоответствия Тейла	-	Менее 0.001	Менее 0.001
Коэффициент детерминации	-	47.16	94.89
F-критерий Фишера	>4.960	8.926	185.514
t-критерий Стьюдента	>2.634	2.988	13.620

Источник: рассчитано автором по данным *табл. 1, табл. 2* / Source: calculated by the author based on data from *table 1, table 2*

Гораздо более выраженная тенденция свойственна количеству малых предприятий. Линейный коэффициент автокорреляции составляет более 0.96, что указывает на практически жестко функциональную связь временного периода и количества малых предприятий без учета микропредприятий. Их выбывание носило монотонный характер еще до официального объявления пандемии, начала ограничительных мероприятий, и даже достаточно слабо отреагировало на общие для всех малых и средних предприятий тренд. В сентябре-декабре 2020 г. никакого восстановления количества малых предприятий не

наблюдалось. Сокращение данного сегмента малого и среднего предпринимательства, судя по всему, обусловлено фундаментальными экономическими причинами (сужение платежеспособного спроса, рост стоимости финансирования) и внешние шоки 2020 г. повлияли на этот тренд лишь в ограниченной степени.

Кризис, обусловленный распространением COVID-19 и введением ограничительных противоэпидемических мер, не мог не оказать существенного влияния на деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства в России. За 2020 г. общее количество малых и средних предприятий

сократилось почти на 215 тыс. единиц или около 3.6%. Статистическое моделирование показало, что среднемесячное сокращение составляло около 36 тыс. единиц, тенденция к сокращению предпринимательской деятельности статистически значима. Максимальный «всплеск» в снижении количества малых и средних предприятий пришелся на июль-август 2020 г. (более 7%), когда многим предпринимателями были реализованы ранее принятые решения о прекращении работы, а еще часть пошла на ликвидацию, осознав невозможность прибыльной работы в новых условиях. Это существенное снижение, однако, в силу ряда институциональных факторов оно оказалось значительно менее масштабным, чем, например, в США (свыше 20%). Параллельно с этим довольно неожиданно возросли масштабы занятости в малом и среднем предпринимательстве (моделирование показывает статистически значимую тенденцию к повышению в размере около 26.3 тыс. чел. ежемесячно), что во многом обусловлено ее легализацией, но в любом случае является позитивным явлением. С учетом мирового опыта такая тенденция весьма необычна.

Кризисные явления, между тем, по-разному отразились на различных категориях субъектов малого и среднего предпринимательства, в частности, микропредприятиях и малых предприятиях (без учета малых предприятий). Микропредприятия, которые составляют более 95% всех субъектов малого и среднего предпринимательства, в основном формируют общий тренд, здесь также наблюдался обвал их количества летом и постепенное последующее восстановление. Они несколько больше пострадали по сравнению со всеми малыми и средними предприятиями, что вполне объяснимо. Однако при этом малые предприятия (без микропредприятий) демонстрировали иную динамику: практически жестко детерминированное монотонное снижение в 11 периодах наблюдений из 12 и гораздо слабо выраженный летний «пик» сокращений (около 1.2% против более чем 7% по всем малым и средним предприятиям). Учитывая разную сложность ликвидации малых предприятий и микропредприятий, большой запас прочности у первых, можно отметить, что динамика количества малых предприятий (без микропредприятий) обусловлена не только коронавирусным кризисом, но и общим ухудшением экономической обстановки для их деятельности.

Библиография

- [1] Abdesselam R., Bonnet J., Renou-Maissant P., and Aubry M. Entrepreneurship, economic development, and institutional environment: evidence from OECD countries // *Journal of International Entrepreneurship*. 2018. Vol. 16(28). Pp. 504-546. (На англ.). DOI: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10843-017-0214-3>
- [2] Fredström A., Peltonen J., and Wincent J. A country-level institutional perspective on entrepreneurship productivity: The effects of informal economy and regulation // *Journal of Business Venturing*. 2020. Vol. 36(4). Article 106002. (На англ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbusvent.2020.106002>
- [3] Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07.05.2018 №204 (2018). Президент России: официальный сайт. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201805070038.pdf> (дата обращения 10.02.2021).
- [4] Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21.07.2020 №474 (2020). Президент России: официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 10.02.2021).
- [5] Виленский А.В. Российское малое и среднее предпринимательство в начале коронавирусного кризиса: федеральный и региональный аспекты // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2020. №4. С. 46-57. DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10041>
- [6] Зимовец А.В., Сорокина Ю.В., Ханина А.В. Анализ влияния пандемии COVID-19 на развитие предприятий в Российской Федерации // *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Том 10. № 5. С. 1337-1350. DOI: <https://doi.org/10.18334/epp.10.5.110126>
- [7] Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Малое и среднее предпринимательство как фактор пространственного развития российской экономики // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2018. № 5. С. 7-24.
- [8] Теребова С.В. Состояние и особенности развития малого бизнеса в России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2017. Том 10. № 1. С. 178-199.
- [9] Винокурова М.В., Вурганов М.Г. Особенности влияния мирового кризиса 2020 г. на малый бизнес и экономику в целом // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2020. Том 1. № 10(106). С. 142-149. DOI: <https://doi.org/10.34684/ek.up.p.r.2020.10.01.017>
- [10] Ли С.В. Как повлияла пандемия на микропредприятия // *Вектор экономики*. 2020. №11(53). Статья 33.
- [11] Ревина С.Н., Смотровая И.В. Предпринимательская деятельность в период пандемии коронавируса: проблемы, риски, перспективы // *Вопросы экономики и права*. 2020. № 143. С. 44-48. DOI: <https://doi.org/10.14451/2.143.44>
- [12] Глухов К.В., Соловьев И.А. Антикризисные решения для развития малого и среднего предпринимательства как фактор повышения экономической безопасности государства // *Вестник Университета*. 2020. № 11. С. 83-89. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-11-83-89>
- [13] Степанов Н.С. Почему не работают институциональные механизмы поддержки малого и среднего предпринимательства в условиях пандемии (коронавирусной инфекции) // *Бизнес. Образование. Право*. 2020. № 3(52). С. 243-247. DOI: <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2020.52.349>
- [14] Шабельникова С.И. Реализация государственной антикризисной программы сохранения стабильности экономики в условиях распространения COVID-19 // *Федерализм*. 2020. Том 25. № 3(99). С. 219-230. DOI: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-3-219-230>
- [15] Иванцев Н.А. Адаптация малого и среднего предпринимательства к сложившимся экономическим условиям на фоне пандемии COVID-19 // *Вестник Самарского государственного экономического*

- университета. 2020. № 7(189). С. 67-72. DOI: <https://doi.org/10.46554/1993-0453-2020-7-189-67-72>
- [16] Fairlie R. The impact of COVID-19 on small business owners: Evidence from the first 3 months after widespread social-distancing restrictions // *Journal of Economics & Management Strategy*. 2020. Vol. 29(9). Pp. 1-14. (На англ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/jems.12400>
- [17] Liguori E., and Pittz T.G. Strategies for small business: Surviving and thriving in the era of COVID-19 // *Journal of the International Council for Small Business*. 2020. Vol. 1(4). Pp. 1-5. (На англ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/26437015.2020.1779538>
- [18] Bartik A., Bertrand M., Cullen Z., Glaeser E.L., Luca M., and Stanton C. The impact of COVID-19 on small business outcomes and expectations // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2020. Vol. 117(30). Pp. 17656-17666. (На англ.). DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2006991117>
- [19] Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства (2020). Федеральная налоговая служба Российской Федерации. URL: <https://rmsp.nalog.ru/?t=1613389458896> (дата обращения 12.02.2021).
- ### References
- [1] Abdesselam R., Bonnet J., Renou-Maissant P., and Aubry M. Entrepreneurship, economic development, and institutional environment: evidence from OECD countries // *Journal of International Entrepreneurship*. 2018. Vol. 16(28). Pp. 504-546. DOI: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10843-017-0214-3>
- [2] Fredström A., Peltonen J., and Wincent J. A country-level institutional perspective on entrepreneurship productivity: The effects of informal economy and regulation // *Journal of Business Venturing*. 2020. Vol. 36(4). Article 106002. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbusvent.2020.106002>
- [3] Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii "O nacional'nyh celjah i strategicheskikh zadachah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda" [Decree of the President of the Russian Federation "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024"] from 07.05.2018 No. 204. (2018). President of Russia: official site. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201805070038.pdf> (accessed on 10.02.2021). (In Russ.).
- [4] Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii "O nacional'nyh celjah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda" [Decree of the President of the Russian Federation "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030"] from 21.07.2020 No.474 (2020). President of Russia: official site. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (accessed on 10.02.2021). (In Russ.).
- [5] Vilenskiy A.V. Russian small and medium-sized businesses at the beginning of the coronavirus crisis: federal and regional aspects // *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2020. Vol. 4. Pp. 46-57. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10041>
- [6] Zimovets A.V., Sorokina Ju.V., and Khanina A.V. Analysis of the impact of the COVID-19 pandemic on the development of enterprises in the Russian Federation // *Ekonomika, Predprinimatel'stvo i Pravo*. 2020. Vol. 10(5). Pp. 1337-1350. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18334/epp.10.5.110126>
- [7] Ivanov O.B., and Buchwald E.M. Small and Medium-Sized Enterprises as a Factor of Spatial Development of Russian economy // "ETAP" Journal. 2018. Vol. 5. Pp. 7-24. (In Russ.).
- [8] Terebova S.V. The current state and specifics of small business development in Russia // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, forecast*. 2017. Vol. 10(1). Pp. 178-199. (In Russ.).
- [9] Vinokurova M.V., and Vurganov M.G. Features of the 2020 global crisis impact on small business and the economy as a whole // *Economics and management: problems, solutions*. 2020. Vol. 1(10-106). Pp. 142-149. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34684/ek.up.p.r.2020.10.01.017>
- [10] Li S.V. How the pandemic affected microenterprises // *VectorEconomy*. 2020. Vol. 11(53). Article 33. (In Russ.).
- [11] Revina S.N., and Smotrova I.V. Entrepreneurial activity during the coronavirus pandemic: problems, risks, prospects // *Economic and Law Issues*. 2020. Vol. 143. Pp. 44-48. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.14451/2.143.44>
- [12] Glukhov K.V., and Solovev I.A. Anti-crisis solutions for the development of small and medium-sized businesses as a factor in improving the economic security of the state // *Vestnik Universiteta*. 2020. Vol. 11. Pp. 83-89. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-11-83-89>
- [13] Stepanov N.S. Why the institutional mechanisms to support of small and medium entrepreneurship in the context of pandemic (coronaviruses infection) do not work // *Business. Education. Law*. 2020. Vol. 3(52). Pp. 243-247. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25683/VOLBI.2020.52.349>
- [14] Shabel'nikova S.I. Implementation of the state anti-crisis program to preserve the stability of the economy in the context of the spread of COVID-19 // *Federalism*. 2020. Vol. 25(3-99). Pp. 219-230. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-3-219-230>
- [15] Ivancev N.A. Adaptation of small and medium-sized entrepreneurship to the current economic conditions against the background of the COVID-19 pandemic // *Vestnik of Samara State University of Economics*. 2020. Vol. 7(189). Pp. 67-72. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.46554/1993-0453-2020-7-189-67-72>
- [16] Fairlie R. The impact of COVID-19 on small business owners: Evidence from the first 3 months after widespread social-distancing restrictions // *Journal of Economics & Management Strategy*. 2020. Vol. 29(9). Pp. 1-14. DOI: <http://dx.doi.org/10.1111/jems.12400>
- [17] Liguori E., and Pittz T.G. Strategies for small business: Surviving and thriving in the era of COVID-19 // *Journal of the International Council for Small Business*. 2020. Vol. 1(4). Pp. 1-5. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/26437015.2020.1779538>
- [18] Bartik A., Bertrand M., Cullen Z., Glaeser E.L., Luca M., and Stanton C. The impact of COVID-19 on small business outcomes and expectations // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2020. Vol. 117(30). Pp. 17656-17666. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2006991117>
- [19] Edinyj reestr subektov malogo i srednego predprinimatel'stva [Unified Register of Small and Medium-Sized businesses] (2020). Federal Tax Service of the Russian Federation. URL: <https://rmsp.nalog.ru/?t=1613389458896> (accessed on 12.02.2021). (In Russ.).

Информация об авторе / About the Author

Ирина Васильевна Корчагина – канд. экон. наук; доцент, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
/ **Irina V. Korchagina** – PhD in Economics; Associate Professor, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
E-mail: korchagina-i@mail.ru
SPIN РИНЦ 6506-7273
ORCID 0000-0002-3297-3259

Дата поступления статьи: 18 марта 2021
Принято решение о публикации: 20 июня 2021

Received: 18 March 2021
Accepted: 20 June 2021